

T. Givón. Functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. 486 p.

Две центральных главы новой книги Т. Гивона – о системе составляющих и о грамматических отношениях – объединены под общим заголовком "Всерьез о структуре". Такое внимание к синтаксическому анализу в монографии о теории и методологии функ-

ционализма – не уступка "конкурирующему" формалистическому подходу к языку, а один из способов продемонстрировать преимущества умеренного "взвешенного" функционализма перед радикальным "наивным" функционализмом. Радикальный функционализм

абсолютизирует существование взаимно-однозначного соответствия между языковой формой и языковой функцией, тогда как взвешенный функциональный подход выдвигает более слабое требование – отображение множества функций на множество форм. Проще говоря, взвешенный функционализм настаивает на очевидной вещи – на том, что одно и то же формальное средство может использоваться языком более, чем в одной функции, но не наоборот: одна функция не может кодироваться двумя разными формальными средствами. Убедительный аргумент – широкое распространение в естественных языках полисемии и омонимии при практически полном отсутствии абсолютной синонимии.

К заблуждениям радикального функционализма Т. Гивон относит также: "наивный" иконизм – веру в абсолютную иконичность и мотивированность языкового знака; "наивный" социологизм – веру в то, что когнитивные аспекты грамматики могут быть сведены к коммуникативным; отрицание грамматических категорий на основании того, что никакой конечный набор параметров не обеспечивает их единообразного выделения в языках разных типов, и т.д. И, наконец, самая серьезная претензия – отстаивая принцип "одна форма – одна функция", радикальный функционализм, вместе с тем, отказывает как форме, так и функции в праве на автономное существование. Противоречие очевидно: если задача исследования – установить соответствие между двумя объектами, то следует, по меньшей мере, признать существование этих объектов.

Те из лингвистов, кто не склонен к радикализму – и в функциональном, и в формалистическом лагере – признают возможность функционального объяснения языковых форм. Степень "формалистичности" (или, если угодно, степень "функционалистичности") исследования зависит, во-первых, от того, в какой мере удастся автономизировать, развести анализ формальных языковых средств и анализ языковых функций (когнитивных и коммуникативных), и, во-вторых, от того, какая последовательность действий признается методологически правильной – т.е. должен ли формальный анализ предшествовать функциональному или наоборот. (Ср. в этой связи высказывание Ф.Дж. Ньюмейера, которого можно отнести к "умеренным" формалистам: "Проблема заключается... в том, к а к о й о б ъ е м формального анализа нужен как предпосылка для проведения анализа функционального. Мой ответ сводится к тому, что необходим намного больший объем формального анализа, чем

согласны признать иные функционалисты" [Ньюмейер 1996: 46]). К сожалению, дискуссия о возможности и возможностях автономного анализа формы и функции чаще всего напоминает разговор слепого с глухим. За очень редким исключением (каким является, например, блестящая работа Куно Сусуму и Таками Кэнъити [Kuno, Takami 1993]), функционалисты недостаточно владеют метаязыком формального анализа для того, чтобы осуществлять аргументированную критику изнутри, а формалисты не могут преодолеть некоторой снисходительности к теоретической расплывчатости и эмпирической перенасыщенности функционализма. И все же продолжают попытки если не сблизить эти подходы, то, по крайней мере, мотивировать свои приоритеты, доказывая преимущество собственной позиции по сравнению с альтернативной.

"Функционализм и грамматика" – сочинение, расположенное, безусловно, по функциональную сторону баррикад. Однако, как уже было сказано, основной пафос работы состоит в том, чтобы защитить функционализм не от нападков "справа" (из лагеря формалистов), а от вреда, наносимого "слева" – чересчур ретивыми функционалистами-догматиками. Функционализм Т. Гивона базируется на следующих основных принципах.

1. Модель языковой деятельности имеет обязательный когнитивный компонент, содержащий сведения о том, как в сознании человека организуется картина мира. Фрагменты этого системно упорядоченного представления являются "входом" при порождении текста и "выходом" при его анализе. Ценность лингвистических выводов о когнитивном компоненте тем выше, чем лучше эти выводы согласуются с результатами, полученными в смежных дисциплинах, таких, как психология и нейрология.

2. Анализ и синтез текста осуществляется в двух режимах – условно говоря, в режиме автопилота и вручную. Сначала в автоматическом режиме с помощью стандартных операций быстро и грубо осуществляется первичная обработка, а на следующем этапе осуществляются более тонкие, контекстно-обусловленные нестандартные операции. Режим автопилота обеспечивает высокую реальную скорость речевого общения.

Автоматический режим становится возможным благодаря тому, что в составе когнитивных категорий (элементов когнитивного представления) выделяется прототип – эталонный представитель категории. Всякое отклонение от эталона требует дополнительного времени, ментальных и перцептивных усилий. Время и усилия для нестандартных

операций высвобождаются именно благодаря тому, что стандартные операции с прототипами осуществляются в автоматическом режиме.

Доказанное в психологии и нейрологии существование двух режимов речевой деятельности может считаться функциональным аргументом в пользу такого формального (в том числе морфологического и синтаксического) анализа, в результате которого для каждого класса языковых единиц будет выделен прототип, характеризующийся набором стандартных признаков (каждый из которых в отдельности не является ни необходимым, ни достаточным), и множество непрототипических представителей класса, характеристики которых так или иначе отличаются от стандарта. Прототипический элемент является структурно немаркированным — он формально проще и более частотен.

3. К числу важнейших функциональных тенденций относятся иконичность и мотивированность языковой формы. Принципы иконичности и мотивированности хорошо согласуются с важнейшим выводом нейрологии о том, что те отделы головного мозга, которые в процессе эволюции человека стали отвечать за языковую деятельность, первоначально специализировались на обработке визуальной информации.

Существенно, однако, что принципы иконичности и мотивированности не абсолютны. Языковая форма (морфема, слово, грамматическая конструкция и проч.) возникает мотивированно (т.е. функционально оправданно) и при своем возникновении, как правило, является иконичной, т.е. материально и визуально пропорциональной тому концепту, который этой формой кодируется. Однако в процессе употребления мотивированность и иконичность формы может разрушаться под воздействием внешних факторов. В частности, некоторые часто встречающиеся лексические единицы под давлением принципа экономии или даже в силу чисто фонетических причин могут фонетически и семантически редуцироваться, что приводит к их грамматикализации (превращению в грамматический показатель).

Общие принципы лингвистического исследования обосновываются, уточняются и демонстрируются Т. Гивоном на обширном языковом материале: автор оперирует данными таких языков, как испанский, иврит, многочисленные языки американских индейцев, языки банту, пиджины, креольские языки и многие другие.

Наиболее подробно рассматриваются следующие четыре группы грамматических явлений: (1) общее значение и способы выражения

сослагательного наклонения; (2) сериализация; (3) способы обеспечения связности текста в естественных языках; (4) инверсия и другие явления, связанные с изменением грамматической конструкции предложения.

Пример сослагательного наклонения выбран Т. Гивоном для того, чтобы показать, что как бы ни была сложна функциональная область и какими бы типологически разнородными не казались средства ее кодирования, при правильном выделении набора прототипических признаков (функциональных и формальных) удастся выделить в составе функциональной области системно связанные когнитивные и коммуникативные компоненты и упорядочить прототипические средства выражения этих компонентов. В данном случае такой категорией повышенной сложности является модальность и в ее составе — противопоставление "реалис / ирреалис", прототипическим же средством выражения ирреалиса является сослагательное наклонение.

Модальные значения Т. Гивон традиционно подразделяет на эпистемические (связанные с оценкой истинности пропозиции) и деонтические (связанные с такими оценочными установками говорящего, как желание, предпочтение, обязательство и т.п.). Гораздо менее традиционно то, как Т. Гивон определяет эпистемические модальности: вместо привычных определений в логических терминах "истинности / ложности" он предлагает опираться на когнитивный признак — степень уверенности говорящего в истинности сообщаемого и на коммуникативный признак — степень подключенности слушающего к оценке истинности сообщаемого. На основании этих признаков выделяются четыре эпистемических модальности: *п р е з у м п ц и я* (сказанное считается истинным по определению, по соглашению или на основании разделяемого собеседниками здравого смысла; подтверждение слушающего при этом не требуется), *р е а л ь н о е у т в е р ж д е н и е* (говорящий имеет серьезное основание считать сказанное истинным, подтверждение слушающего уместно, но не требуется), *и р р е а л ь н о е у т в е р ж д е н и е* (говорящий сомневается в истинности сказанного, мнение слушающего предполагается или запрашивается), *о т р и ц а т е л ь н о е у т в е р ж д е н и е* (говорящий аттестует сказанное как ложное, солидарность слушающего предполагается).

Нетрадиционно в работе и то, что, по мнению автора, нет непроходимой границы между эпистемической и деонтической модальностью. В частности, эпистемически заданному нереальному утверждению соот-

ветствуют такие деонтические модальности, как слабое манипулятивное намерение (*предлагаю, чтобы...*) [здесь и ниже русские примеры мои. – В.П.], предпочтение (*хорошо бы, чтобы...*), тревога (*боюсь, как бы не...*), неуверенность (*сомневаюсь, чтобы...*). Именно это сочетание – нереальное утверждения со слабым манипулятивным намерением (*и/или с неуверенностью, тревогой, предпочтением*) плюс временная ориентация на будущее (еще не осуществленные события – и составляет прототипическую особенность ирреалиса как функциональной области. Прототипическим средством кодирования ирреалиса в естественных языках является сослагательное наклонение. Так, например, с помощью сослагательного наклонения оформляются глаголы, зависящие от соответствующих предикатов пропозициональной установки, ср. русск. *просить, предлагать, хотеть, ждать, надеяться* и т.п. Кроме того, сослагательное наклонение широко употребляется (в том числе, и в русском языке) в речевых актах, направленных на манипуляцию говорящим: *Сходил бы ты в магазин!*, *Чтоб ты провалился!* И, наконец, в самых разных языках сослагательное наклонение используется в условных конструкциях.

Несколько увлекательных сюжетов книги так или иначе касаются сериализации. Во-первых, на материале сериальных конструкций уточняются протипические свойства подлежащего; во-вторых, демонстрируется несостоятельность формального синтаксического анализа, постулирующего единственность так называемого глагольного узла (VP-node), в-третьих, обсуждаются пути грамматикализации из компонентов полипредикативной конструкции.

Феномен сериализации (широко распространенный в языках западной Африки, юго-восточной Азии, Новой Гвинеи) традиционно представляет трудность для любого синтаксического подхода, который опирается на жесткое противопоставление сочинения и подчинения. Каждый из глаголов – членов сериальной цепочки – выступает в форме, способной, в принципе, выступать в качестве единственного сказуемого независимого простого предложения. Сериальная цепочка имеет, как правило, один общий актанта: при этом каждый из глаголов может иметь и по одному собственному актанту. Собственный актанта при сериальном глаголе имеет статус прямого дополнения, что, по наблюдениям Т. Гивона, подтверждается тестами на релятивизацию, прономинализацию и ограничениями на возможное изменение порядка слов. Глаголы в сериальной цепочке не всегда

имеют одинаковое грамматическое оформление: показатели времени–вида–наклонения могут или присоединяться к каждому глаголу, или только к одному – крайнему члену цепочки. В книге описываются и промежуточные случаи, когда крайний глагол имеет полный набор показателей, а прочие – сокращенный. Однако поскольку в языках с сериализацией грамматические категории характеризуются гораздо меньшей степенью обязательности, чем это принято в "индоевропейском стандарте", каждый из компонентов сериальной конструкции сохраняет способность самостоятельно формировать предложение. В этом – одно из принципиальных отличий сериальных конструкций от конструкций с инфинитивными формами глаголов, отмеченное многими исследователями сериализации [Bisang 1995].

Особую проблему представляет определение статуса общего актанта в сериальной конструкции. Т. Гивон сравнивает два класса конструкций: те, в которых семантические субъекты глаголов совпадают, и те, в которых семантические субъекты различны. Конструкции первого класса строятся по схеме: *Они нож взяли [они] мясо разрезали* 'Они разрезали мясо ножом'; конструкции второго класса строятся по схеме: *Они били его [он] умер* 'Они его забили до смерти' (слова, заключенные в квадратные скобки, соответствуют актантам, которые в тексте не выражены). Основной вывод автора сводится к следующему: 1) в конструкциях второго класса семантически – прямой объект первого глагола является субъектом второго, а синтаксически – прямой объект первого глагола со вторым глаголом не связан; 2) и в конструкциях первого, и в конструкциях второго класса субъект первого глагола является общим топиком обоих предикаций, составляющих сериальную конструкцию.

Часто компоненты сериальной конструкции неравнозначны с точки зрения их вклада в общее значение конструкции. Один из глаголов может являться собственно обозначением ситуации, тогда как второй используется для введения дополнительных семантических актанта. Так, глагол со значением 'давать' используется для введения Бенефицианта ('продать дом дать мужчине > продать дом мужчине'), глагол со значением 'брать' – для введения Инструмента ('брать палка бить собака > бить собаку палкой') и т.д. Однако даже в этих случаях финитный статус компонентов сериальной конструкции и наличие у каждого из них собственного прямого дополнения (что не только структурно, но и чисто механически "разводит" глаголы в линейном тексте) препятствуют грамматика-

лизации одного из компонентов. В этом важное отличие сериальных конструкций от конструкций с инфинитными формами, которые, напротив, очень подвержены грамматикализации особенно в тех случаях, когда грамматическая асимметричность глагольных форм усугубляется семантической асимметричностью. Грамматически финитный, но семантически вспомогательный глагол постепенно грамматикализуется, превращаясь сначала в элемент аналитической конструкции, а затем и в связанную морфему. Таков, например, известный путь грамматикализации модальных глаголов в видовременные показатели. Все это, как заключает автор, убедительно показывает, что путь исторического развития языка определяется не только "благородными" функциональными намерениями, но и конкретными структурными условиями.

Если при описании сериализации Т. Гивона интересовало, прежде всего, влияние диахронии на степень "гармоничности" отношений между функцией и формой, то вопросы связности текста рассматриваются, главным образом, с точки зрения того, как языковые механизмы связности коррелируют с когнитивными механизмами, обеспечивающими связность картины мира в сознании человека. Согласно данным психологии и нейрологии, к которым апеллирует автор, выделяются три уровня хранения информации, извлеченной в процессе речевого общения. Эти уровни соответствуют трем типам механизмов памяти: 1. буферные механизмы действующей памяти; 2. механизмы хранения эпизода; 3. долговременная семантическая память.

В буфере может храниться одновременно не более 2–5 предложений, что соответствует приблизительно 8–20 секундам речевого потока. Эта информация подвергается грамматической обработке и передается на следующий уровень, "уровень эпизода", где встраивается в концептуальную сеть. Узел сети приблизительно соответствует представлению пропозиции. Узлы сети иерархизованы, т.е. можно установить, частью какого более крупного эпизода является данный эпизод. Кроме того, у узлов имеются и "горизонтальные" связи, т.е. данный эпизод связывается с предшествующим и последующим. При переводе на долговременное хранение информация об эпизоде встраивается в многомерную систему, регулируемую человеческим опытом и знанием о мире.

Лексические и грамматические средства связности коррелируют, прежде всего, с когнитивными механизмами уровня эпизода. Автор рассматривает приемы, обеспечивающие в тексте "преемственность" референтов,

а также последовательное развертывание в тексте временных, аспектуальных и модальных отношений между пропозициями. Наиболее подробно описываются средства референциальной связности, которые подразделяются на анафорические – осуществляющие отсылку к ранее упомянутому референту, и катафорические – "активизирующие" референт, с тем, чтобы обеспечить его повторное упоминание в последующем дискурсе. В качестве эвристического приема, позволяющего оценить степень референциальной связности текста, Т. Гивон вводит две количественных характеристики: 1) референциальное расстояние – количество предикаций, отделяющих данную именную группу от ближайшей именной группы в предшествующем дискурсе, имеющей тот же референт, и 2) референциальная устойчивость – число повторных упоминаний данного референта на протяжении десяти последующих предикаций.

Эти две количественные характеристики используются автором, в частности, для оценки степени топикализованности (тематической важности) референта: вероятность того, что данная именная группа вводит тематически важный референт, тем выше, чем меньше референциальное расстояние и чем больше референциальная устойчивость. Иначе говоря, тематически важный референт недавно упоминался и будет часто упоминаться в дальнейшем.

Понятие тематической важности используется Т. Гивоном при анализе залоговых конструкций. Четыре залога – актив, инверсив, пассив и антипассив – рассматриваются как четыре функционально обусловленных варианта "упаковки" исходной ситуации. В качестве исходной рассматривается прототипически транзитивная ситуация по [Norreg, Thompson 1980], т.е. точечное, реальное событие, осуществленное активным, контролирующим, целенаправленно действующим Агенсом, и в результате которого пассивный Пациенс претерпевает изменения. В активной конструкции тематическая важность Агенса – несколько выше, чем тематическая важность Пациенса, а в инверсивной конструкции – наоборот, однако превосходство Агенса или Пациенса не очень значительно. Различие между Агенсом и Пациенсом (по тематической важности) гораздо заметнее в пассиве и антипассиве: в пассиве тематическая важность Пациенса существенно выше, чем тематическая важность Агенса, а в антипассиве – наоборот.

Определяя место инверсива среди других залоговых конструкций, автор пользуется и другими количественными характеристиками:

сравнительной частотой залоговых конструкций, частотой опущения Агенса и Пациенса. (Т. Гивон широко цитирует подсчеты, сделанные для языка чаморро в [Soogeman 1982; 1987].) Как и при описании других синтаксических явлений, Т. Гивон стремится показать, что выбор формального механизма (например, залога) может определяться одновременно несколькими функциональными причинами. Так, в числе функций инверсива – кодирование сравнительного положения Агенса и Пациенса в иерархии, задаваемой совокупностью прагматических и семантических критериев (говорящий выше слушающего, который, в свою очередь, выше третьего лица; одушевленный объект выше неодушевленного; близкий выше далекого; свой выше чужого и т.п.). Именно потому, что в функцию инверсива входит сравнение Агенса и Пациенса, в инверсиве не происходит опущения Агенса, как это часто случается в пассиве. На этом основании, а также на том основании, что статус Агенса в эргативных языках также чувствителен к упомянутой выше иерархии, Т. Гивон считает, что исторической базой эргативных конструкций является именно инверсив, а не пассив, как полагают многие.

Функциональные мотивировки, предложенные Т. Гивоном для инверсивов, по-видимому, могут быть перенесены и на такие конструкции, где в составе глагольной словоформы выражаются иерархические отношения не между Агенсом и Пациентом, а между двумя лицами, одно из которых является Агенсом, а другое – любым другим участником ситуации, не обязательно Пациентом. Сюда могут быть отнесены, например, формы адыгского языка, отражающие иерархию Агенса и Адресата (см. [Тестелец 1989: 141]).

Иерархию двух участников ситуации – лиц, отражают и японские бенефактивные конструкции со вспомогательными глаголами со значением 'давать / получать'. Если в ситуации, описываемой исходным глаголом, помимо Агенса есть еще один участник – лицо, то с помощью одного из семи возможных вспомогательных глаголов со значением 'давать / получать' кодируется иерархия этих двух участников исходной ситуации. Так, если исходный глагол – 'дарить', то бенефактивная конструкция описывает иерархическое отношение между Агенсом и Адресатом по схеме 'дарить + давать–вверх–по-иерархии' или 'дарить + давать–вниз–по-иерархии', т.е., соответственно, 'дарить тому, кто выше' или 'дарить тому, кто ниже'. Если в ситуации, описываемой исходным глаголом, среди участников нет других лиц, кроме Агенса, то бенефактивная конструкция имеет на один

актант больше, чем исходный глагол. Этот актант семантически интерпретируется как Бенефициант и иерархическое отношение устанавливается между Агенсом и Бенефициантом. Так, если исходный глагол 'чинить', то конструкция 'чинить + давать–вверх–по-иерархии' или 'чинить + давать–вниз – по-иерархии', интерпретируется, соответственно, как 'чинить для того, кто выше' или 'чинить для того, кто ниже' (см. [Холодович 1979: 82–91; Kuno Susumu 1973: 133–135; Shibatani Masayoshi 1994; Подлесская 1993: 26–35]). Пример японских бенефактивных конструкций еще раз подтверждает максимум "взвешенного" функционализма: сложные семантические и прагматические системы – такие, как иерархия объектов в картине мира или коммуникативная иерархия участников речевого общения – не кодируются в естественном языке изолировано, а образуют сложные формальные и функциональные конфигурации.

Описание конкретного языкового материала распределено между главами книги неравномерно. Книга состоит из девяти крупных разделов, названия которых имеет смысл привести полностью, для того, чтобы дать представление о композиции работы, а также – о полемическом задоре автора и раскрепощенности стиля: 1. Введение (несколько желчного); 2. Маркированность как метаиконичность: дистрибутивные и когнитивные корреляты синтаксической структуры; 3. Функциональные основы грамматической типологии; 4. Модальные прототипы истинности и действия; 5. Всерьез о структуре. I: структура составляющих и VP-узла; 6. Всерьез о структуре. II: грамматические отношения; 7. Наблюдения над грамматикой в тексте: что – следствие, а что – причина? 8. В ладу с познанием: связность текста и связность мышления; 9. Совместная эволюция языка, мышления и мозга.

Те, кто внимательно следит за творчеством Т. Гивона, узнают в большинстве разделов уже известные работы автора. Ряд публиковавшихся ранее статей воспроизводится в книге не только с текстуальной точностью, но и в том же графическом исполнении (см., например [Givón 1994]). Сама по себе практика объединения под одной обложкой серии ранее публиковавшихся работ вполне оправдана, однако в данном случае все же ощущается некоторая нехватка редакторских усилий по организации тома. Хотелось бы видеть сводный список сокращений, используемых в грамматической строке; очень бы помог указатель упоминаемых языков. Кроме того, в текст просочились некоторые досадные реликты ранних публикаций, типа "в

заключительной части статьи..." (следовало бы "в заключительной части этого раздела...", см. с. 363). Все это, впрочем, в большей степени претензии к издателям, чем автору.

В заключение, еще об одной проблеме, поднятой в книге – проблеме этики научного сообщества. Открытое обсуждение этого вопроса в книге, посвященной теории и методологии научного направления – явление столь же уместное, сколь и неожиданное. Неприятие всего "чужого" при некритическом следовании догматам, объявленным "своими" – вот упрек, брошенный автором большинству тех, кто собирается под те или иные лингвистические знамена. Этот упрек может быть адресован и функционалистам, хотя, в целом, считает Т. Гивон, этому направлению не свойственна авторитарность иных "школ". Может быть, пишет он, подобно тому, как иные племена используют для самоназвания слово "люди", нам просто следует называть себя "лингвистами". Мне невольно вспоминается, как покойный В.А. Звегинцев, приветствуя нас, абитуриентов Отделения структурной лингвистики 1970 г., сказал: "Некоторые из вас, наверное, думают, что структурная лингвистика это какая-то особая лингвистика. Неверно! Структурная лингвистика это просто хорошая лингвистика!". Многие ли из нас научились с тех пор разбираться, где – принципиальность научной позиции, а где – простительное стремление к комфорту научного существования "среди своих"?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ньюмейер Ф.Дж. 1996 – Спор о формализме и функционализме в лингвистике и его разрешение // ВЯ. 1996. № 2.
- Подлесская В.И. 1993 – Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии полипредикативности. М. 1993.
- Тестелец Я.Г. 1989 – Категория инверсива: определение и опыт типологии // Проблемы семантической и синтаксической типологии / Под ред. В.И. Подлесской, Л.И. Куликовой. М., 1989.
- Холодович А.А. 1979 – Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Bisang W. 1995 – Verb serialization and converbs – differences and similarities // Converbs in cross-linguistic perspective / Ed. by Haspelmath M., König E. Berlin; New York. 1995.
- Cooreman A. 1982 – Topicality, ergativity and transitivity in narrative discourse: evidence from Chamorro // Studies in language, 1982. V. 6. № 3.
- Cooreman A. 1987 – "Transitivity and discourse continuity in Chamorro narratives". Berlin, 1987.
- Givón T. 1994 – Irealis and the subjunctive // Studies in language, 1994. V. 18. № 2.
- Hopper T., Thompson S.A. 1980 – Transitivity in grammar and discourse // Language. V. 56. № 2.
- Kuno Susumu 1973 – The structure of the Japanese language. Cambridge (Massachusetts): MIT Press. 1973.
- Kuno Susumu. Takami Kenichi 1993 – Grammar and discourse principles: functional syntax and GB theory. Chicago, London, 1993.
- Shibatani Masayoshi 1994 – Benefactive constructions. A Japanese – Korean comparative perspective // Japanese/Korean linguistics, CSLI. V. 4. Stanford University, 1994.